

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Йозеф Сипко

Быстро изменяющийся образ нашей жизни, его ускоренные темпы, информационный взрыв, а в наших "постсоциалистических" условиях до сих пор неведомый плюрализм, способствовали экспансии в науку жизнь публицистических изданий со всеми, в том числе и коммуникативными последствиями. А именно с ролью языка публицистики в нашей коммуникации связана актуальность данной темы. Язык СМИ вступает в науку повседневную жизнь с такой интенсивностью, что ему в современности нет равных. Человек иногда подсознательно и автоматически употребляет публицистические обороты, которые в его речи клишируются как и в газетах и журналах. "Публицизация" языка повседневного общения была отмечена и в дискуссии о состоянии русского языка, которая развернулась на страницах журнала "Русская речь" (Телия "РР", 5, 1992). Нам кажется, что и в учебном процессе необходимо обратить больше внимания на язык СМИ. Ведь и словесные образы художественной литературы распространяются в немалой степени и благодаря их включению в публицистические жанры - взять хотя бы элементы "новой литературы": "Вот поэтому мне и сейчас кажется, что рай тонкошеих вождей был подобран вождем по принципу их ... бесчеловечности" ("ЛГ", 34, 1990), "Пободался теленок с дубом и умел" ("Экспресс", 31-го окт., 1991), "Учили как обустроить Россию" ("МН", 28, 1991), "Иван Денисович пришел вслед за не хлебом единым, ... дабы Дети Арбата по тучным столам разомлись вместе с красной ихрой" ("ЛГ", 3, 1990), "Надеть белые одежды" ("ЛГ", 3, 1990 - о необходимости новой политики в культуре), "Знак беды или победы" ("МН", 26, 1991). Частотность подобных образований художественной литературы в активной речи, таким образом, во многом зависит от частотности их функционирования в современной публицистике. "Язык газеты" оказывает заметное воздействие на эволюционные процессы в отдельных ярусах языка и речи. В значительной мере это отражается во фразеологизации языка (Кривенко 1993), в закреплении в нем устойчивых оборотов, штампов и клише. Через публицистику вступают в активную речь и языковые новообразования в сфере науки, культуры и спорта (Бельчиков 1993). Публицистика в этом плане выполняет роль посредника и распространителя не только своих типичных оборотов, но и тех, которые образовались в иных сферах человеческой деятельности. Газеты, журналы и другие СМИ как будто их фильтруют, передавая их читателю и слушателю. Настоящим пробным камнем многих образований становится сама жизнь, общественное сознание. Так уходит в забвение словосочетание "прожектор перестройки" и многие другие выражения,

в центре которых стоит слово "перестройка". Публицистика в этом процессе выполняет регулирующую роль, становясь определенным катализатором языка.

Своей полифункциональностью публицистика обобщает все стили, приближает их читателю "неспециалисту". "Публицизацию" нашей речи отмечают и литературоведы. При характеристике романа В. Астафьева "Печальный детектив" встречаются замечания о наличии в нем целых пластов, напоминающих во многом публицистические статьи (напр., авторские мысли о русском характере).

Публицистический текст может реализоваться в качестве учебного материала. Многолетний опыт работы с русским публицистическим текстом в словацкой аудитории навел нас на мысль о наблюдении над ним и о попытке определенного анализа с позиции иностранного, в нашем случае словацкого, реципиента. В той учебной среде, в которой нам пришлось работать много лет в качестве преподавателя русского языка (гимназия и педфак), газетные и журнальные статьи приносили больше эффекта, чем языковой материал любого учебника. В особенности продуктивным оказался тот метод работы, в рамках которого учащиеся собирали подходящий материал из русских газет и журналов в течение всей своей учебы. Языковой материал, таким образом, представлял лишь источник для тематического цикла. Это нам приносило несколько преимуществ: все учащиеся воспринимали журнальные и газетные материалы естественнее в виду актуальной информации, они становились прямыми адресатами данных новостей. Не менее важен и психологический фактор, согласно которому каждый человек легче и охотнее воспроизводит ту информацию, которую он сам нашел и считает "своей". На такой базе коммуникация на русском языке оказалась более естественной и продуктивной.

Аналитическая работа с публицистическим текстом вызывает в нем многие словесные единицы, которые сами по себе содержат богатую информацию в вертикальных и горизонтальных смысловых связях. Такое понимание текста как действия (Леонтьев 1977) исходит из необходимости вовлечения текстовой деятельностью в другие виды человеческой активности. В публицистических текстах доминирующим сопровождающим действием является "получение информации" (люди не читают ради самого чтения). В этом плане проигрывают иноязычные учебные тексты, в которых деятельностный аспект порождения и восприятия текста заменяется чтением, его техникой, а тексты на самом деле информативно пусты. В конце концов это часто является судьбой большинства текстов в учебниках по иностранным языкам, так как их информативность закономерно снижается. Там, где главной целью является не извлечение новой информации, а лишь выполнение разных упражнений и заданий, на самом деле не реализуются настоящие функции языка (Негневичкая 1979) и текст трансформируется в упражнение с избыточной и уже известной информацией. "Деятельность получения информации" заменяется "деятельностью текстового чтения, поисками языковых явлений" (Негневичкая 1979, с. 227). Публицистические тексты с другой стороны создают "атмосферу получения информации". Существует определенное "информативное и коммуникативное напряжение", которое представляет неисчерпаемые резервы при мотивации в иноязычной коммуникации. Публицистические материалы, адаптированные и не-

адаптированные, помогают осуществить информационную деятельность бесспорно более эффективно, чем текстовые материалы учебников. Публицистика выполняет требование к "целенаправленному приобщению к смысловой информации" (Дридзе 1980). Информативность всегда стоит в основе текстуальных отношений в виде иерархических смыслово-семантических отношений, в отличие, например, от синтаксических линейных связей. Информативность - это не вся информация в тексте, а лишь та, которая станет достоянием рецепиента. Это мера эффективности восприятия текста, который может члениться на информативно целевые блоки. Эксперименты ученых (Дридзе 1980) показывают, что владение языком - это не только лингвистическая компетенция, но и другие факторы. Интерпретируя текст, рецепиенту необходимо выявить главный замысел автора, найти свисловую последовательность, связи между приводимыми фактами. Иностранный рецепиент сверх этого должен найти и различия в этнопсихолингвистическом и культурном планах, в многих фоновых реалиях. Анализируя наши наблюдения, мы приходим к заключению, что трудности при восприятии русских текстов в словацкой аудитории сводятся в основном к актуальным и краткосрочным фоновым реалиям, которые в языке прессы не эксплицируются. На первое место необходимо выдвинуть реалии советской и русской действительности - настоящего и прошлого - и также общекультурные сверхэтнические понятия. Актуальные фоновые реалии получают аксиологическое содержание, неоднозначное, противоположное, зависящее не только от позиций конкретных авторов, но чаще от позиций отдельных изданий и тех слоев общества, интересы которых последние отстаивают.

Мы обращаем внимание на такие элементы русского публицистического текста, которые сообщают разную информацию и ее оценку косвенными языковыми средствами. Коренные социально-политические изменения принесли, по-видимому, самые большие результаты в "освобождении слова", в оживлении "деревянного языка" (Красухин 1991). "Единство...", "единственно правильное и верное" и все другие виды "единства" стали заменяться "обменом мнений" вплоть до резкого "нам с ними не по пути". Работая с конкретными газетами и журналами, мы заметили, что в них употребляются конструкции "одолженные" из других источников. Публицисты с одной стороны стремятся к оригинальности, к словотворчеству (Вакуров 1991), с другой стороны многие выражения клишируются (Костомаров 1970). Непрерывная связь нового со старым, стандартов и норм, их нарушение, по сути дела отражают нашу жизнь - одновременное тяготение к прошлому и будущему. Можно это иллюстрировать на аксиологических и прагматико-семантических трансформациях слова "перестройка": "Вот дошли до перестройки, и не надо гордиться, что мы ее готовили" ("ЛР", 52, 1990), "Здоровые силы катастрофы" ("НС", 12, 1990), "Когда наша перестройка победит, у нас будет по 4 килограмма мяса - на человеке" ("ЛГ", 50, 1990), решительный удар приходит от Даля: "В словаре Даля в статье "Перестройка" приведена такая половица - "Прихотливые ламки да перестройки хоть кого разорят" ("ЛР", 29, 1990).

Освобождающееся мышление ставит отдельные речевые единицы в такие позиции, в которых раскрывается их коммуникативная

ценность, но вместе с тем возникает коммуникативный парадокс для адресата - "я понимаю, что сказал автор, но я не убежден, понимаю ли, что он хотел сказать". В этой связи интересно заметить, что часто можно встретиться с замечаниями о необходимости "реабилитировать адресата", освободить его от диктата текста и адресанта. В широких рамках культуры речи адресант и адресат должны стать партнерами, реципиент не должен подчиняться автору. Хотя авторы, в нашем случае журналисты, в своих текстах высылает к читателю определенные сигналы, которые должны облегчить и обеспечить адекватное восприятие, авторский замысел в многих высказываниях и в целых текстах выражен косвенно, он для некоторых читателей скрыт. Профессиональные мастера слова (иногда мы принадлежим к ним все) изобретательны до такой степени, что языковая двусмысленность и скрытость авторских намерений имеют в реальном общении неограниченный речевой потенциал. В особенности эти процессы активизируются при описывании "аномалий жизни", как это было в связи с событиями в августе 1991: "лугозловцы" ("КП", 30-го авг., 1991), "янайцы" ("ЛГ", 13-го нояб., 1991), "Хуже ига Мамаева, руководство Янаева" ("МН", 38, 1991), "Запретить песню "Полутчица" ("ЛГ", 50, 1991), "Жить стало лучше, жить стало веселей" ("МН", 37, 1991), "Путчие люди района" (там же), "Чем бы вас еще полутчевать" ("ЛГ", 50, 1991), "Недоперестройка увенчалась недопутчем" ("НГ", 43, 1991) и т. д.

Подобранные авторские новообразования демонстрируют коммуникативный потенциал языка и в употреблении окказиональных единиц, за которыми скрыт богатый фон. Как показывают исследования русских и американских психолингвистов (Познание и общение, 1988), резко повышается роль межэтнических отношений и на этом фоне восприятие иноязычного материала является одним из центральных коммуникативных аспектов при взаимопонимании. В публицистике в этом процессе известную роль выполняют и коннотативные связи словесных элементов. С этой целью мы подобрали выражения, которые были в нашем обществе актуальны после ноябрьских событий 1989 г. Студентам предлагалось их шкалировать от 10 до -10 индивидуально и анонимно. После того был определен средний балл. В анкете приняло участие 65 студентов-русистов нашего педагогического факультета. Шкалировались следующие выражения:

	1990	1992
Великий Октябрь	-0,66	+1,90
Февральские события 1948	-2,20	-1,21
Пражская весна 1968	+5,40	+7,00
Социалистический реализм	-1,93	-1,92
Застойные годы	-5,60	-6,63
Нежная революция	+6,90	+1,00
Буржуазная западная демократия	+5,70	-0,40
Христианская мораль	+0,80	+5,73
Коммунистическая мораль	-2,93	-3,26
Мировая соц. система	-3,20	+3,37
Общий европейский дом	+6,30	+4,95
Нормализация после 1968	-4,86	-3,53

Средний показатель определял настоящую ценность данных понятий среди молодого поколения и вместе с тем аксиологическую динамичность подобных выражений. Мы в этой связи отмечаем оппозицию "официального" и "неофициального" языков, в рамках которой происходят базисные прагматико-семантические трансформации многих выражений, которые имеют свою коммуникативную позицию в зависимости от фактора власти. Языковые и речевые элементы, которые "служили" (и "служат") официальной власти, в новых социальных условиях превращаются в свои оценочные полюсы. Нами найдены многие соответствующие образования бывшего "официального" языка, которые через сатирический контекст опускают активную речевую зону. Это касается элементов художественной литературы: "Я думаю, что за лозунг *"Партия - ум, честь и совесть нашей эпохи"* надо уметь жертвовать" ("МН", 28, 1990), "Депутаты будут себя чистить под Лениным" ("НС", 12, 1990), "Разве не близнецы и братья основатель Со-Солизма и эта женщина в новейшей кожанке почти чекистского образца" ("МН", 20, 1990), "Пальнем-ка пулей в родную Русь"? Пальнули. И, раненная, бьется Россия" ("НГ", 19, 1991).

Трансформируются элементы многих официальных мелодий: "Можно выйти из состава Союза (*"свободные"*), но нельзя (*"сплотила на века"*)" ("О", 3, 1990), "Что-то я другой такой страны не знаю, где бы при выходе из магазина беззащитных женщины подстерегали милиционеры" ("МН", 11, 1990), "Их адрес не дом и не улица"... , люди ночуют по просторам *необъятной родины своей*" ("МН", 30, 1991 - о бездомных).

Большую группу составляют многие известные выражения бывшего "деревянного" языка: "Одесситы всех стран, *соединяйтесь*" ("МН", 46, 1990), "Спросят с трибуны, что ты изображаешь, можно ответить - *призрак коммунизма, который бродил, бродил по Европе и, именно, к нам забрел*" ("ЛГ", 50, 1990), "Догоним и перегоним Анголу!" ("МН", 41, 1990), "Вот недавно один в магазине кричал: *"Коммунисты вперед"*" ("О", 52, 1990), "Свободу конвертируемой валюте!" ("ЛГ", 18, 1991). Это относится к выражениям, которые вступили в активную коммуникативную жизнь уже в "перестроечное" время: "Обий европейский дом! но что же мы будем делать в нем потом? Если в собственном уже грозят свинцом" ("ЛР", 4, 1990). В особенности относительно часто мы надели в трансформированной позиции известное выражение Н. Андреевой: "Административная система сама по себе не собирается *поступиться принципами*" ("О", 21, 1990). Данное выражение стало почти штампом при характеристике консерватизма и функционирует даже как продуктивная модель: "Сегодня ни одна республика своим суверенитетом *не поступится*" ("МН", 47, 1990).

В публицистических текстах современности массу косвенной информации передают собственные имена, в первую очередь фамилии известных деятелей: "Что было бы, если бы французы сдавали *робспьеровский* зачет, главными предметами бы считались *робспьеризм-сенжотизм*, генерал де Голь и Ф. Миттеран назывались бы *верными робспьерцами*"? ("НГ", 30-го окт., 1991), "Я верю, что и в сегодняшнее смутное время появятся у нас *Михини и Пожарские*" ("ЛР", 51., 1990), "Как называется единица гласности? *Один вельцин*" ("МН", 5, 1990).

Бравый генерал

С трибуны генерал сказал	Сказал с категоричностью.
"Де Голь был тоже генерал	Но бравый генерал забыл,
И президентом стал де Голь.	Что генерал французский был,
Пора и мне на эту роль...!"	Еще к тому и личностью.

(П. Градов, "МК", 25-го мая, 1991)

Излюбленным приемом часто становится искажение фамилий: "Гос-
ложа Дреева" (Нина Андреева), "Юлий Бендеров" (Ю. Бондарев
- реакция на его национализм), "Кон Викторецкий" (В. Конеч-
кий), "Борисецин" (Б. Ельцин) и др.

Итак, овладевать текстом на соответствующем когнитивном
уровне предполагает выделить в нем те компоненты, которые со-
держат скрытую информацию. Они являются в тексте семантически-
ми доминантами (Волков 1990). Даже могут стать источником ме-
татекста или нового текста. Так, рассуждение о том, что
убийство-сожжение группы русских солдат - это новая Хатынь,
прямо предполагает когнитивный материал для создания нового
текста о фашистских злодеяниях в Белоруссии. В публицистике
скрытые оценочные средства богаты о разнообразны. Рядом
с общекультурной информацией (из библии, мифологии, истории,
афористики), которую можно получить, это и их роль как "ком-
прессированных текстов", в которых в коротких выражениях со-
держатся сюжетные явления данного социума. В реальной жизни
они представляют эпизодические явления, но в конкретных текс-
тах имеют центральное значение ("500 дней", "тбилисский синд-
ром", "600 секунд", "агрогулаг", "нинандреевский социализм",
"карабахский вариант" и т. д.). Мы их условно можем назвать
"актуалемами". Они являются словесным документом времени и для
адекватного восприятия соответствующего текста их познание
становится необходимым. Краткосрочная "жизнь" скрытых выраже-
ний - один из признаков публицистического стиля.

Суммируя вышесказанное, хочется отметить коммуникативно-
содержательные преимущества публицистического текста, его бо-
гатую и доступную информативность и в связи с тем мы обращаем
внимание на всякого рода косвенные элементы в нем, раскрытие
которых предоставляет богатое фоновое, как правило, этническое
познание.

Сокращения названий газет и журналов:

- "КП" - "Комсомольская правда"
- "ЛГ" - "Литературная газета"
- "ЛР" - "Литературная Россия"
- "МК" - "Московский комсомолец"
- "МН" - "Московские новости"
- "НГ" - "Независимая газета"
- "НС" - "Наш современник"
- "О" - "Огонек"
- "РР" - "Русская речь"
- "РЯР" - "Русский язык за рубежом"

ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва 1988, с. 341.
- БЕЛЬЧИКОВ, Ю. А.: "Что было выражено словом, то было и в жизни". "РР", 1993, 3, с. 30-35.
- БОБУНОВА, М. А.: Не вырубимь топором. О заголовках в "Комсомольской правде". "РР", 1992, 5, с. 58.
- БОРОТЬКО, В. Г.: Анализ учебного текста с учетом его смыслового восприятия. В сб.: Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев 1979, с. 171-178.
- ВАКУРОВ, В. Н.: Словотворчество журналиста. "РЯР", 1991, 4, с. 30-35.
- ВАСИЛЬЕВА, А. Н.: Газетно-публицистический стиль речи. Москва 1982, с. 198.
- ВЕРЕШАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г.: Язык и культура. Москва 1990, с. 246.
- ВАН ДЕЙК, Т. А.: Язык, познание, коммуникация. Москва 1989, с. 312.
- ДРИДЗЕ, Т. М.: Язык и социальная психология. Москва 1980, с. 224.
- КОСТОМАРОВ, В. Г.: Русский язык на газетной полосе. Москва 1970, с. 266.
- КОСТЮКОВ, В. М.: Гибридные слова - средство комического. "РР", 1987, 6, с. 55-57.
- КРАСУХИН, К. Г.: Рецензия книги: SERIOT, P.: Analyse du discours politique sovietique, Paris, Institut d'etudes slaves 1985. "Вопросы языкознания", 1991, 6, с. 132-137.
- КРИВЕНКО, Б. В.: Фразеология и газетная речь. "РР", 1993, 3, с. 44-49.
- КРЕМЕНЦОВ, Л. П.: Задыхающийся язык. "РР", 1992, 4, с. 31-37.
- КРЫСИН, Л. П.: Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. Москва 1989, с. 188.
- ЛЕОНТЬЕВ, А. Н.: Некоторые вопросы психологии обучения речи на иностранном языке. Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. Москва 1977, с. 5-12.
- НЕГНЕВИЦКАЯ, Е. И.: Функции текста в процессе обучения второму языку и виды действий с текстом. В сб.: Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев 1979, с. 223-230.
- Познание и общение. Под ред. Б. Ф. Ломова, Москва 1988, с. 208.
- ПОСТОВАЛОВА, В. И.: Язык как деятельность - опыт интерпретации концепции Гумбольта. Москва 1982, с. 222.
- РОШИН, С. К.: Психология и журналистика. Москва 1989, с. 192.
- СОЛОВЕЙЧИК, С. Л.: Педагогика для всех. Москва 1987, с. 371.
- СОРОКИН, Ю. А.: Психолингвистические аспекты изучения текста. Москва 1985, с. 168.
- ТЕЛИЯ, В. Н.: Дискуссия о состоянии русского языка. "РР", 1992, 5, с. 42.
- ТРЕСКОВА, С. И.: Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. Москва 1989, с. 152.